

Андрей КОРОЛЕВ

КОРОТКОМЕТРАЖКИ**Одним движением руки**

В начале 90-х пресса стала гораздо ближе к народу, в том числе и к блатному. И однажды к нам в редакцию областной молодежной газеты явились два полпреда криминального мира. Так непосредственно отреагировали они на нашу публикацию. А отклик читателей — тогда это было святое.

Редактор отсутствовал, и закрыть амбразуру пришлось мне. В приемной гости заявили, что ищут Якова Чарторижского, и я напрягся еще больше. Это был псевдоним нашего корреспондента отдела права. Сейчас — и правильно — такой пост доверили бы только ушлому профи, но тогда царили странные романтические представления, и работал у нас просто послушный студент на полставки. Милиция сливала ему какие-то мутные полуслухи, а мы печатали их чуть ли не с гордостью: все шлюзы (или кингстоны?) открыты, даешь поток горькой правды во всем ее многообразии!

Я представился неравнодушным читателям и повел их в свой кабинет — подальше и от впечатлительной секретарши, и от студента, который, как на грех, в тот день торчал в редакции.

По пути, сообщая им какие-то неважные вещи, я осторожно рассмотрел визитеров. И тот и другой, понятно, были в «униформе» — черных кожаных куртках. Но один был жилистый, подтянутый, с лицом, я бы даже сказал, выразительным, а другой — просто огромный детина с замороженно-наглой миной. Первый, наверное, был бригадир и выбирал, что использовать: утюг или паяльник, а второй чисто конкретно приступал к телу. Про себя я назвал их Бил и Бол.

Разговор повел Бил. Оказалось, вора в законе Седого не устроило, как неточно в нашей заметке были описаны его статус и действия, и он решил внести ясность. В общем, на сцену требовали автора — Чарторижского.

Поначалу я пытался вилять, пудрить им мозги, но Бил был непреклонен: давай сюда «этого черта». И тогда я прямо сказал, что своих авторов мы не сдаем и псевдонимов не раскрываем — только по решению суда. И это замечание, как мне показалось, было встречено с пониманием.

Сурово, но с пониманием. Или просто слово «суд» как-то их урезонило... Во всяком случае, пистолета с глушителем никто не доставал, рояльной струной в руках не поигрывал.

Воодушевленный, я разразился речью о праве читателей знать правду и нужде газеты иметь информацию из первых рук.

— Вот если бы от вас самих можно было получать разъяснения! Да хотя бы просто комментарии: так это или не так, — убеждал я. — А то менты, понятно, свою правду хотят донести, да и не всегда правду...

Бил и Бол слушали не то чтобы презрительно, а как-то каменно-глухо, вообще без эмоций. Видимо, они просто не уполномочены были вступать в дискуссию.

— Вам же самим это может быть выгодно, — перешел я к главным аргументам. — Вот, к примеру, убьют какого-нибудь вашего вора в законе...

И тут сонный на вид Бол проявил молниеносную реакцию.

— Постучи по дереву! — ткнув в мою сторону пальцем, приказал он.

И я тут же трижды приложился костяшками к столешнице. Быстро-быстро, с удивившей меня самого готовностью и даже старательностью.

Это был провал. Я так смело держался полчаса — и одним суетливым жестом в полсекунды смазал все.

Больше посланцы преступного мира к нам в редакцию не обращались. А вора Седого, по-моему, так никто и не убил.

Очень уважительная причина

Первое редакционное задание. Я еще студент, но надеюсь попасть в штат газеты «Комсомолец Кузбасса». И мне поручают написать очерк о тренере-энтузиасте, занимающемся с обычными работягами летом — футболом, зимой — хоккеем с шайбой.

Летом все было бы проще: я лишь недавно ушел из футбольной команды мастеров (там говорили: «Если спорт мешает учебе, бросай учебу», но я решил сделать наоборот) и уж о такой-то тренировке сварганил бы репортаж по-любому. А тут зима, тренер совсем незнакомый, да еще и ехать далеко, на старый аэродром.

Ну ничего, трудности закаляют. Так что явился я вовремя. И потом часа полтора честно выстоял возле коробки, наблюдая и за игроками, и за тренером. Пытаясь к тому же что-то фиксировать в блокноте. И это был второй мой прокол, поскольку на морозе авторучка быстро замерзала. Нужно было взять карандаш.

А первый — и главный — прокол заключался в том, что я не подошел к тренеру заранее. И он, бедолага, все занятие посматривал на меня и гадал: что это за хрен торчит у бортика? Проверяющий? Или, не дай бог, болельщик какой безумный?

Неудивительно, что, когда я после тренировки зашел в вагончик и сообщил всем о задании редакции, мужики особо не обрадовались, а тренер вообще разнервничался. Прямо при мне он устроил «разбор полетов» последней игры. И доказал, что проиграли они вполне заслуженно:

кто-то недоработал в обороне, кто-то «считал ворон на пятаке», а кто-то (видимо, самый перспективный) и вовсе не явился на матч.

— И где ж ты был, Петров, пока команда за тебя пахала? — набросился тренер на парня.

А тот ответил не просто честно, но и с искренней обидой (умный наставник, а не понимает):

— Ну я же пил!

Никакого очерка у меня, понятно, не вышло. Сам виноват: не подготовил героя к общению. Это уже позже стало модно — заставить людей врасплох. Этот прием и впрямь порой срабатывает, но злоупотреблять им не стоит. А то услышишь что-то восхитительное и потом мучаешься, думаешь, как же все-таки протащить эту фразу в текст. А нельзя.

Смертельный номер у цирка

«Кто в армии служил, тот в цирке не смеется». Эту остроту явно не солдат-срочник придумал, а кто-то из офицеров-пиджаков. Потому что я сам, будучи рядовым, не раз бывал в цирке и смеялся там за милую душу. Еще бы: из казармы — да в город, да на живое представление выбраться — это уже заранее восторг!

Правда, перед этим приходилось повкалывать. Особенно когда одна программа съезжала из цирка, а другая заезжала. И хуже всего, понятно, было провожать программу с животными. Представьте, что оставалось в помещениях, где месяц содержались слоны или буйволы.

Хорошо еще, что вместе с нами, как правило, работали элтэпэшники¹. И тогда проблем не возникало. «Вы че, у нас форма одна на полгода! Провоняет — старшина нас убьет! Не будем мы этим заниматься!» А элтэпэшники все доходяги, они и не пикнут. Их там, в ЛТП, то ли били, то ли пичкали чем-то — вот они и были тише воды, ниже травы. Работали везде. Другое дело — как.

Однажды нас припахали именно в день, когда сворачивалась программа со зверями. От конюшен я легко отбился, а взялся доставить из здания цирка в походный вагончик десять пуделей. Причем за один заход решил управиться. Собаки — вообще умные, а эти еще и дрессированные. Что тут сложного?

Собрал я в каждую руку по пять поводков и вышел с четвероногими друзьями на улицу. То есть сорок ног у них и пара у меня. И такой расклад почему-то не казался мне тревожным...

Стояла зима. Было не холодно, даже приятно свежо. И вокруг белым-бело от снега. Красота обалденная! Да еще и воздух чистый, бодрящий. Вот пудели на свободе и обалдели, и взбодрились.

Никогда больше я так не пугался! Они оказались сильные, как кони. Или в данном случае — как беговые олени. И понесли меня сразу во весь опор. Я держу будто целых две упряжки и скольжу на своих сапогах с дикой скоростью. И что делать? Отпустить вожжи? А вокруг

¹ ЛТП — лечебно-трудовые профилактории в СССР, где лечили от алкоголизма.

деревья (возле цирка парк) — разобьешься вмиг! Так и мчался метров сто пятьдесят с ветерком, прощаясь с жизнью.

Хорошо, что пудели и впрямь были умные. Даже, видимо, *остроумные*. Подшутили надо мной. Цирковые ведь все-таки. Разогнались, размялись, а у вагончиков затормозили. А я прикатился натурально уже на зад. Но ни одного поводка из рук не выпустил. Вцепился мертвой хваткой. Больше смерти боялся, что они разбегутся по городу, такие отвязные, и начнут бедокурить. Может, оценив такое мужество русского солдата, они и сжалились.

Вагончики стояли на площадке за парком. Просто коробки, из листов железа сваренные. И как животные в них многие сутки по Сибири мотались? Зимой — в мороз, летом — в жару? Так что не нужно сравнивать дурачества и ужасы армии и цирка. Дурацких ужасов у нас везде хватает.

Примета ни в какие ворота

Мы обслуживали игру нашего «Кузбасса» с какой-то сильной командой — кажется, с минским «Динамо».

Тогда это так и называлось — слегка казенно, сервильно, но вроде как и солидно: «обслуживали». То есть мы, ученики футбольной школы, во время матчей первой лиги подавали профессионалам выскочившие с поля мячи. А слова «болбой» в ту пору никто еще и не знал.

Здесь вообще важно вспомнить, что за время было тогда. Конец семидесятых, застой, и все не очень богато, так скажем. И газонов настоящих игровых — ровных, с хорошим дерном — лишь по одному в каждой региональной столице и было. А тут мы, влюбленные в футбол пацаны, не просто в майках-трусах-гетрах два тайма на дорожке рекортановой выстаиваем, мы же в перерыве это лучшее в области поле на целых пятнадцать минут занимаем. Нежно-зеленое, аккуратно подстриженное, по которому мяч (опять же — настоящий, для команд мастеров!) буквально стелется. И тысяч пятнадцать-двадцать болельщиков нам с трибун что-то одобряющее кричат. В общем, мечта, полет, восторг — все самое прекрасное для нас в эту четверть часа умещалось.

Ну так вот. Играет, значит, наш «Кузбасс» с каким-то сильным соперником, после первой половины встречи счет 0:0. Перерыв, и мы, окрыленные, гоняем по всему большому полю без всякой тактики, без всяких лишних правил вроде «вне игры», зато с упоением.

Но вот взрослые команды уже вышли из раздевалок, судейская бригада показалась, скоро матч продолжится, а я только сейчас с мячом на выгодную позицию вырвался. Всего один защитник передо мной, и в «рамке» никого (всем же хочется носиться-красоваться впереди, голы забивать).

— Эй, только по воротам не бей! — кричит мне с бровки кипер «Кузбасса» — огромный такой, весь заросший, с бакенбардами.

Вратарей обычно стараются не злить: они об штанги головой бьются, все психованные. Но у меня же мяч под ногой так удобно, вот-вот отличусь при таком скоплении зрителей. Настал мой звездный час!

— Не бей!

Ну да, конечно!

И я, конечно, ударил. И, конечно, забил. В ворота, которые должен был защищать «Кузбасс» во втором тайме. А это, оказывается, ужасно плохая примета.

Оба взгляда, которыми ожег меня наш вратарь, были страшными. И первый — просто взбешенный (а поскольку часть зрителей весело меня чувствовала, слишком уж испугаться я не успел), но больше — второй, с испепеляющей ненавистью, когда в эти ворота забили уже минчане... Кипер, вытянувшись всем своим крупным телом, взмыл за летящим в «девятку» мячом (я наблюдал за этим аккуратно через сетку), не достал и рухнул на вытоптаный пятак земли во вратарской площадке. Ударил злобно кулачищем в перчатке по известке на линии. И вот тогда уже обернулся и посмотрел на меня...

Для большей ясности этого сюжета и большей назидательности явно лучше бы было, если бы наша команда не смогла отыграться: тогда гол, пропущенный якобы по моей вине, стал бы и вовсе зловеще-трагичным. Но нет, «Кузбасс» сумел провести два мяча и в итоге победил.

Может, кстати, и с моей помощью. В спорте такое не редкость — когда команды спохватываются и включают все ресурсы, только пропустив в свои ворота. У нас, русских, это вообще сплошь и рядом (пока не требует атлета к священной жертве Аполлон...), а я, выходит, очень вовремя стал необходимым «богом из машины».

Само собой, через много лет в компании других ветеранов я даже выпивал с тем самым вратарем. Он был, конечно, уже не таким грозным и по секрету (который все знали) поведал мне, что однажды сдал одну игру команде из Грозного. Прямо у нас дома. И мне было уже не горько, а просто любопытно: пропуская тогда сознательно, он тоже потом на кого-то так же страшно выпучивал глаза?

Классики и современники

Хорошо, когда с противным человеком, от которого вы зависите, можно говорить с позиции тайной силы. Ну, как бы не только с фигой в кармане, но и с тузом в рукаве. Он давит на вас, старается унижить, а вы слушаете спокойно, с достоинством, и даже согласно киваете, твердо зная, что вскоре сможете его заткнуть. Жаль, что такое случается нечасто.

После третьего, что ли, курса университета даже витающие в облаках филфаковцы должны были поработать в стройотрядах. Вроде бы нигде это не было жестко прописано, но, когда зимой пришла пора сдавать сессию, странное требование всплыло.

Нет, не подумайте, что я против стройотрядов как таковых. В те годы застоя где еще студенты могли прилично заработать? Плюс новый опыт, новые места, новые знакомства. Радость созидания, романтика, душевный порыв тоже ценны и важны. Но — подчеркну — именно порыв, добровольный. Если из-под палки — хорошего мало.

Так примерно я и тогда представлял все это. А тут выяснилось, что к экзамену по русской литературе я не допущен и должен решить вопрос у проректора. Преподаватель — деликатнейшая женщина, с мягкой благосклонностью уже начавшая выслушивать мой ответ на первый вопрос (а я, паче чаяния, и весь билет знал!), вдруг спохватилась, взглянула в какой-то список и сошла с лица. И сокрушенно призналась, что принять у меня экзамен пока не может...

И вот теперь вернемся к началу. Я знал, что нужное мне разрешение непременно выпишут, но любопытно стало, как все это будет обставлено. И я пошел в ректорат.

Обставлено все было, прямо скажем, топорно.

— Вот вы филолог. Вы же наверняка читали «Как закалялась сталь»? — спросил проректор.

— Да, конечно.

— А вы помните, как Павка Корчагин по грудь в ледяной воде...

И он задвинул речугу минуты на три, завершив ее, разумеется, длинной цитатой: «Самое дорогое у человека — это жизнь...» Тут он примолк, разглядывая меня и решая, достаточен ли эффект или надо еще добавить огоньку. Я при этом, видимо, должен был броситься записываться в стройотряд — да не простой, а какой-нибудь штрафной, чтобы смыть позор кровью.

Сжалившись, я нарушил молчание и сообщил, что в стройотряд никак не мог поехать, поскольку защищал честь Кузбасса на другом фронте — спортивном. У меня вообще свободное посещение. Бронь, если продолжать аналогию.

— Да? — недовольно удивился проректор («Эх... испортил песню... дур-рак!»²). — Так что же вы раньше-то...

— У нас, филологов, нельзя перебивать, когда читают классику. Особенно проректор...

Столь наглая и лживая лесть особо ценится и всегда остается безнаказанной.

Он позвонил кому-то, и мои слова подтвердились. Я был отпущен сдавать экзамен — с нужной справкой и чистой совестью. Сам проректор при этом не испытывал ни малейшего смущения. Ведь он не потратил сил впустую — отрепетировал спич, который еще точно пригодится.

Зато явно неловко было преподавательнице, и она поставила мне пятерку, не спрашивая. Наши филологини и без книжных примеров знают, как себя вести, чтобы не было мучительно больно.

Правильный кадр

В день похорон тещи (тогда, в прошлом веке, выносили покойников еще из квартир, и это, по-моему, было как-то человечней и правильной) к гробу подвели и посадили рядом уже очень больного тестя. А меня попросили запечатлеть этот момент.

² Слова Сатина, героя пьесы М. Горького «На дне».

Я навел фотоаппарат, и тесть по привычке поднял лицо и стал смотреть в объектив.

— Смотри на гроб, — подсказала ему одна из сестер.

— А, да, — проговорил он и перевел взгляд на покойницу, чтобы я смог сделать правильный снимок.

Я, собственно, и запомнил всю ту сцену из-за одной детали — поднятого для традиционного позирования лица: вот, дескать, как сильны в нас условные рефлексy, что даже у гроба любимой жены мы отвлекаемся от горя и по привычке принимаем нужную позу. Но позже, рассмотрев все готовые снимки, я с удивлением обнаружил: именно «неправильная» фотография (где все окружающие, как и положено, скорбно смотрят на покойницу и только ее муж зачем-то глянул в объектив) и оказалась самой выразительной — то есть выражающей наибольшее горе, наибольшую растерянность человека перед ужасом реальности.

И если уж говорить о силе чувств: пережил тесть свою жену всего на двадцать пять дней.

Что в имени тебе моем?

Есть у нас, провинциалов, особый вид гордости. За земляков, ставших знаменитостями. А мы с ними учились параллельно, в один садик ходили, да хотя бы на одной улице жили. Уже железный повод. Дескать, знай наших! Или еще лучше: как же, знаем, знаем...

Впервые я увидел Женю на факультетском концерте «Студвесны». Причем тогда не он, а я был звезда (спортсмен и выпускник) — вот и пришел благосклонно глянуть на творчество юных. А Женя выступал еще просто в оригинальном жанре: показывал пантомиму (очень смешно — как космонавт замедленно вышагивает к ракете, прижимая к боку невидимый гермошлем, оборачивается и машет свободной неповоротливой рукой), укладывался на три стула и потом оставался на двух...

В общем, парень явно был многообещающий. И мы с женой даже пригласили его с другом к нам домой на Новый год. Хотели как-то расширить круг общения, да и «культурную программу» тоже. Да и просто подкормить бедных студентов. То есть ощутить себя этакими меценатами.

А Женя вскоре написал одну пьесу, другую, сам стал их ставить и в них играть. Создал свой театр, съездил на фестиваль, засветился в Москве. И, как и положено, отбыл творить поближе к Европе.

Мы у себя зорко отслеживали все этапы его карьеры (выпуск музыкального альбома, роль в кино, «Золотая маска»), радовались его успехам и слегка обижались, если в интервью он не слишком восторженно вспоминал родной город (если вообще упоминал).

Зато он возвращался с новыми работами. Помню первый его приезд уже в качестве ВИПа — постановка шла на главной сцене областной драмы! Хотя раньше Женя отзывался об этом театре сардонически («о, эти пыльные плюшевые кресла») — наверняка потому, что «настоящие» артисты и режиссеры воротили от него нос. А тут — все билеты раскуплены заранее! Во всех газетах и по телику — бис и браво уже за неделю.

Да еще за день до спектакля Женя собрал в том же театре журналистов. В фойе где-то в глубине здания, я не сразу его и нашел. Явился, когда Женя уже говорил в микрофон. И что вы думаете? Он прервал монолог, встал, шагнул мне навстречу и заключил в объятия. И все вокруг глазели на меня с уважением-завистью-ревностью.

Потом мы долго не встречались, даже когда он привозил премьеры. Но на юбилей его театра не прийти я не мог. Все-таки первым написал о самом первом спектакле. Чувствовал сопричастность.

Нужно было подняться на второй этаж, и здесь прямо у лестницы избранные сразу попадали в Историю: сам юбиляр обнимал гостя, а сухощавая девушка напротив щелкала профессиональной фотокамерой.

Меня Женя тоже обнял, и девушка тоже щелкнула.

— Здравствуй, Сергей! — тепло сказал Женя.

— Привет-привет, рад тебя видеть! — сказал я.

Вообще-то я Андрей, но тут не стал поправлять его. Зачем смущать человека? Хотя и интересно, как бы он отыграл такой эпизод. Да, интересно.

